

В.Ц. Головачёв
ИВ РАН

Предание об утерянных письменах тайваньских аборигенов и европейское правление на Формозе

1. Предание об утерянных письменах занимает особое место в фольклоре тайваньских аборигенов, явно выпадая из традиционного набора сюжетов, типичных для большинства первобытных народов мира (например, мифы о сотворении мира, появлении первых людей, всемирном потопе и пр.). Материалы аборигенного фольклора, собранные, систематизированные и глубоко изученные за последние сто с небольшим лет учеными многих стран, позволяют не только сравнить различные версии тайваньских преданий об утраченных письменах, но также поставить вопрос о времени появления этих преданий, их значении и реальной исторической основе.

Очевидно, что предание о пропавших письменах имеет непервобытное, сравнительно позднее историческое происхождение. Сюжет его прямо связан с появлением на острове европейцев и даже возлагает ответственность за утрату аборигенных письмен на этих европейцев, как известно обосновавшихся на острове лишь в 20-е годы XVII в. К настоящему времени исследователям тайваньского фольклора удалось зафиксировать путем полевых изысканий несколько сходных версий этого предания, приведенных в изданной на китайском языке фундаментальной монографии Б.Л. Рифтина «Мифы и сказания о нечистой силе: сравнительное исследование сюжетов в мифах тайваньских аборигенов» [5].

2. В сокращенном варианте эти версии выглядят следующим образом. В 1966 г. известный германский этнограф и миссионер Д. Шрёдер (D. Schröder) записал воспоминания 89-летней шаманки из народности Пуюма, проживавшей в поселке Чжибэнь, на восточном побережье Тайваня. По словам шаманки, в их деревне некогда жил человек по имени Гэлугань, с вытатуированными на теле узорами (письменами). Однажды Гэлугань попался на глаза заезжим голландским морякам, которые увезли его с собой на расположенный около города Тайнань островок Сагань, затем в Индонезию и, наконец, в Голландию. После смерти Гэлуганя голландцы сняли с него кожу

и сделали из нее чучело. Поначалу Богу было угодно, чтобы узоры татуировки на теле Гэлуганя были основой письмен горных людей (аборигенов). Но из-за того что голландцы увезли Гэлуганя, горные люди не имеют письменности.

В 1972 г. швейцарский миссионер Х. Эгли (H. Egli) зафиксировал, со слов старейшин из Чжибэнь, еще одну версию того же предания. В прошлом некий мужчина народности Бинань, по имени Калокал (созвучно Гэлугань), имел на теле странные, никому не ведомые узоры. Повзрослев, он переехал в город Тайнань, где жил в одном доме с неким голландцем. Однажды, когда Калокал купался, голландец увидел на его теле татуировки и был крайне изумлен ими. После возвращения в родную деревню Калокал попался на глаза голландским морякам, которые вывезли его сначала в Индонезию, где он даже обзавелся семьей и детьми, а потом и в Голландию. После гибели Калокала голландцы сняли с него кожу, а имевшиеся на ней узорные знаки стали основой голландских письмен (! ; см. [5, с. 173–175]).

В обеих приведенных версиях речь идет о неких нательных татуировках, которые представляли собой неведомые письмена. Хотя смысл татуировок был явно забыт, их прямая ассоциация с письменностью сохранилась в туземном предании с его необычным, но кажущимся вполне достоверным «голландским» сюжетом об утрате письмен в результате умыкания последнего «носителя информации». Однако последняя фраза второй версии предания вызывает закономерный вопрос: каким образом татуированные «узоры» тайваньских аборигенов могли стать основой голландских письмен? И имели ли они хоть что-то общее с голландской письменностью вообще?

Еще одним отголоском недолгих, но впечатляющих контактов с европейцами стало предание, записанное исследователями народности Сайдэ(к) со слов 84-летнего аборигена из уезда Наньтоу (центральный Тайвань). Согласно этому преданию, в древности неизвестно откуда явились три человека, говорившие на языке Сайдэк. Они владели письмом и имели при себе одну книгу. Потом они ушли, пообещав вернуться снова, но больше не вернулись. Поэтому народ Сайдэк утратил письмена [5, с. 179].

Судя по преданию, в роли упомянутых в нем пришельцев с Книгой могли выступить даже не сами европейцы, а уже обращенные ими в христианство аборигены, знавшие язык своих соседей и явившиеся к ним для проповеди с Библией. Так или иначе, чтобы ответить на вопрос о реальной причастности европейцев к утрате аборигенных письмен, уместно бросить общий взгляд на языковую политику голландцев и испанцев после вступления ими в прямые контакты с аборигенами острова.

3. С приходом XVII в. жители Формозы на самом деле внезапно заговорили на голландском и испанском языках, так как с 1624 по 1662 г. островом правила голландская Ост-Индская компания, а испанцы имели колонию на севере с 1626 по 1641 г., пока не были изгнаны оттуда голландцами. За свое недолгое присутствие на Формозе испанские доминиканцы успели открыть две миссионерские школы для китайцев и аборигенов. А миссионер Хакинто Эскиваль изобрел для облегчения проповеди латинизированную

азбуку местного языка (вероятно, языка равнинных аборигенов Данышуй, живших в районе Тайбэя; см. [4; с. 262]) и издал на нем две книги: «Словарь языка Данышуй, бытующего на острове Тайвань (臺灣島淡水語辭彙)» и «Правдивую книгу о христианском учении на языке Данышуй, острова Тайвань (臺灣島淡水語基督教理書)». Но надежды испанцев так и не оправдались. Столкнувшись с сопротивлением аборигенов, слабой торговлей и нападениями голландцев, они в итоге были вынуждены покинуть остров [1, с. 23; 2, с. 4].

В свою очередь, голландцы тоже сознавали важность просвещения для успеха своих колонизаторских усилий на острове. Роль главных проводников западной культуры играли миссионеры, служившие по совместительству толмачами и сборщиками налогов для голландской Ост-Индской компании. К 1630 г. церкви миссионеров уже распространились по прибрежным равнинам западного Тайваня. А в 1636 г. была открыта первая школа с допуском аборигенов. Параллельно со школьным обучением европейские миссионеры обращали аборигенов в христианство. Местные учителя и церковные служки получали подготовку и работали под присмотром голландских проповедников. В 1639 г. к службам в роли проповедников было допущено уже около 50 аборигенов [6, с. 165–166].

Детей, а позднее и взрослых обучали не только азам христианского вероучения, но также чтению и письму. Обучение велось как на голландском языке, так и при помощи специально созданной латинской транскрипции языка Сирайя, на котором говорили южные равнинные аборигены (Пинпу цзу) из поселения Синьган. Голландцы назвали эту транскрипцию «языком Синьган» 新港語, а местные китайцы называли ее «азбукой рыжеволосых» 紅毛字, т.е. европейцев. Миссионер Роберт Юниус применил новую систему для перевода на местный язык текстов молитв, Катехизиса, Десяти Заповедей и краткого изложения христианского учения. Другие важные переводы включали Евангелие от Матфея и Иоанна, а также «Словарь Восточного языка Жильбера Апарти (Gilbertus Appartius)» [1, с. 29; 2, с. 4; 3, с. 75–76].

В целом образовательная и миссионерская деятельность голландцев в XVII в. охватывала районы Тайнань, Синьган, Дамуцзянь, Муцзялу вань, Сяолун, Мадоу, Дацзечжэнь, Данышуй и Таоюань. Последние две местности вошли в орбиту влияния после изгнания оттуда испанцев [6, с. 166, 168]. Эта деятельность оказала большое влияние на тысячи коренных жителей Тайваня. По воскресным дням они облачались в голландские одежды и общались на голландском языке. Когда отец Джозеф де Майя посетил Тайвань в 1715 г., он нашел там нескольких аборигенов, все еще умевших говорить и читать по-голландски, а также хранивших у себя фрагменты голландских Библий. Уже в конце XIX в. английский пресвитерианский миссионер Уильям Кэмпбэлл обнаружил в доме одного неграмотного крестьянина старый экземпляр голландской Библии. Хозяин сообщил миссионеру, что книга – фамильная вещь, доставшаяся ему в наследство от предков [3, с. 30].

Освоив «язык Синьган», аборигены стали широко использовать его в повседневной жизни: для написания писем, счетов, договоров и других

документов. Даже в XIX в., в годы правления Цзя-Цин (嘉慶, 1796–1820), аборигены по-прежнему пользовались им при заключении с китайцами договоров, известных как «Договоры с дикарями» (番仔契). Эти договоры были позднее собраны, систематизированы и изданы японцами как «Документы в письменах Синьган» (新港文書), а в 1938 г. опубликованы под тем же названием на английском языке – Naojiro Murakami: Sinkan Manuscripts [2, с. 4; 6, с. 166].

Чрезвычайно интересны записи о языке Синьган, сохранившиеся в письменных источниках времен китайского правления на острове. В самом раннем, датируемом 1696 г. сочинении Гао Хун-цзя «Описание губернии Тайвань», в главе «Описание местных обычаев», сохранилось такое уникальное известие: «На телах [аборигенов] вытатуировано много записей. У некоторых на спине, у некоторых на плечах и даже по бокам тел – все исписано письменами. Все эти татуировки – не что иное, как “азбука рыжеволосых”... Тех, кто умеет писать азбукой рыжеволосых, называют “грамотеями-писарями” 教冊. Через их руки проходят все исходящие и входящие документы. [При письме] обрезают трубку гусиного пера, макают в чернила и пишут горизонтальными строками, слева направо, а не вертикальными строками» [6, с. 166–167].

Подобные, почти дословно повторяющиеся записи встречаются и в сочинениях ряда других авторов, датируемых 1717, 1736, 1741 и 1747 гг. В более позднем описании от 1747 г. к уже упомянутым словам сделана курьезная приписка о том, что писарям «платят за записи деньгами и зерном. Отдыхая, [они] втыкают перо в голову или цепляют к поясу» [6, с. 167]. Сама по себе эта живая приписка показывает, что китайский автор не просто дословно копировал записи своих предшественников, но и лично видел все еще остававшихся при деле и при куске хлеба аборигенных знатоков «азбуки рыжеволосых».

Самое позднее упоминание источников об использовании аборигенами «азбуки рыжеволосых» относится к 1813 г., подтверждая, что язык Синьган оставался в ходу даже через 150 лет после изгнания голландцев [6, с. 168]. Впрочем, присущий аборигенам уникальный способ кодировки, хранения и передачи информации через татуировки (в данном случае – письмена), позволяет верить, что «азбука рыжеволосых» существовала в народной памяти и после 1813 г. Лишь к XIX в. «азбука рыжеволосых» полностью вышла из употребления и была совсем забыта аборигенами. Их нателные татуировки стали восприниматься как необычные узоры, а выражение «тело в письменах» 文身 (*вэнь шэнь*), при фиксации устных сообщений аборигенных информантов, соответственно, стало истолковываться как омонимичное «тело в узорах» 纹身.

С учетом сказанного, предание о Гэлугане, скорее всего, восходит к концу XVIII – началу XIX в., когда смысл его нателных татуировок был почти совсем позабыт самими аборигенами. Учитывая 89-летний возраст старухи шаманки, Гэлугань мог проживать в Чжибэнь и во времена ее молодости, т.е. в последней четверти XIX в., до японской колонизации 1895 г. Правда, возможность свободного появления и

проживания в это время на острове голландских моряков кажется все-таки сомнительной.

4. Таким образом, приведенные выше записи китайских авторов и данные других письменных источников ставят все на свои места, доказывая, что аборигенное предание о пропавших письменах имело под собой вполне реальную историческую основу. Они убедительно объясняют и появление, и исчезновение аборигенной письменности, равно как и вполне уместное изумление голландцев при виде туземных тагуировок в форме европейской латиницы. Данные источников позволяют также заключить, что мифическое утверждение о формозских корнях голландской письменности стало попросту «зеркальным» отражением реальных событий прошлого в коллективной памяти туземцев либо результатом ошибочного перевода или истолкования учеными устных сведений их информантов.

Сам по себе объективно подтверждаемый источниками факт прямого европейского (голландско-испанского) влияния на духовную культуру тайваньских аборигенов позволяет поставить ряд новых вопросов для исследования. Например, заслуживает особого внимания вопрос о степени этого влияния на этническое сознание и образ жизни коренных жителей Тайваня в последовавший с конца XVIII в. период вынужденной активизации их контактов с китайской, японской и западной культурой.

Литература

1. *Hong Chien-chao*. A history of Taiwan. Rimini, 2000.
2. *Huang Fu-san*. A Sparrow transforming into a Phoenix: a brief history of Taiwan. – <http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/history/tw01.html>, Taipei, 2005.
3. *Vertente Ch., Hsu Hsue-Chi, Wu Mi-Cha*. The authentic story of Taiwan. Taipei–Belgium, 1991.
4. *Ли Жэнь-гуй*. Тайвань наньдао миньцзудэ цзуцунь юй цяньси (Этническая общность и миграции австронезийских народностей Тайваня). Тайбэй, 1997.
5. *Рифтин Б.Л.* Мифы и сказания о нечистой силе: сравнительное исследование сюжетов в мифах тайваньских аборигенов (李福清著. 神话与鬼话 – 台湾原住民神话故事比较研究.) Пекин, 2001.
6. *Чжан Сю-жун*. Тайвань цзаочао шиган (Очерки ранней истории Тайваня). Тайбэй, 1994.